

Понятие «юриспруденция» во французской юридической доктрине: источник права, судебная практика или факт судебной политики?¹

Рассматриваются признаки одного из важнейших во французской теории права понятия – «юриспруденция». Выделяются ее аспекты, смыслы, значение в континентальной правовой системе. Изучаются различные подходы к определению данного понятия: источник права, система норм права, приемы судебной практики, нормотворческая власть судебных органов. Для уяснения особенностей юриспруденции в качестве источника права проводится сравнение ее с другими источниками – с законом и обычаем. Показывается роль науки в становлении юриспруденции как источника права: юриспруденция определяется как общее дитя судьи и науки. Анализируются аргументы ученых, отрицающих статус юриспруденции как источника права и предлагающих рассматривать указанное явление лишь как простой фактор влияния, как авторитетное мнение судебных инстанций. Итоговое решение данного вопроса зависит от трактовки термина «источник права».

Ключевые слова: юриспруденция; романо-германская правовая система; социология права; норма права; судебная практика; приемы судебной практики; источник права; закон; обычай; судья; юридическая наука; доктрина; судебная политика.

С точки зрения этимологии юриспруденция есть предусмотрительность, примененная к праву, что означает стремление добиваться справедливости и избегать несправедливости. Следовательно, первоначально юриспруденция характеризовала все источники права в силу того, что они выражали осмотрительность в праве и справедливость. И до сих пор в англо-саксонских странах этот смысл преобладает, поскольку там юриспруденция ассимилируется с правовой наукой, с предусмотрительностью юриста, находящегося постоянно в поисках законных решений. Однако сегодня, в связи с процессом обеднения смысла слова, юриспруденция в странах романо-германской правовой системы означает совокупность правовых норм, принимаемых судьями, и даже совокупность судебных решений Высших судов или же совокупность решений, принятых в судах какой-либо одной определенной подсистемы права (административных судах или судах общей юрисдикции). Действительно, «вершить правосудие» для судей нередко означает «творить право» или в процессе интерпретации права, которое необходимо применить, или в процессе разбора неясных моментов, или заполнения лакун, реальных или предполагаемых. Поскольку нормотворческая власть судьи единодушно признается, за исключением некоторых особых точек зрения, то, следовательно, у юристов возникает вопрос о формировании юриспруденции и легитимности выделения ее в отдельный источник права, такой как закон или обычай. Смысл слова, с точки зрения социологии права, приводит к тем же вопросам. Если «это власть того, что постоянно приводит к однозначному судебному решению» (Ж. Карбонье), то юриспруденция характеризуется повторением и принуждением, что снова приводит нас к вопросу об образовании феномена юриспруденции и ее возможного статуса в качестве источника права. В области социологии права стало принято говорить о «нормотворческой власти юриспруденции», но с точки

* **Мариз Дегерг**, д-р права, профессор, почетный декан юридического факультета университета Париж-1 (Сорбонна) (Франция, г. Париж).

¹ Перевод с французского языка В. Д. Бурковой.

зрения формальной теории об источниках права поддается объяснению только «нормотворческая власть судьи» (Ж. Рош). Действительно, власть создавать нормы может принадлежать судье лишь в качестве естественного его полномочия, и именно эта власть «разворачивается в юриспруденции» (С. Риаль). Фундаментальная гипотеза юридической социологии, согласно которой право доминирует над нормой права, может быть перенесена на юриспруденцию, которая, несомненно, доминирует над нормой судебной практики. Изучение феномена юриспруденции, следовательно, должно предшествовать изучению вопроса об ее принадлежности к источникам права.

ФЕНОМЕН ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Исторически феномен юриспруденции появился во Франции в XIX веке благодаря стечению трех обстоятельств: отмены принятия законодателем решений по срочным вопросам, что позволило судьям интерпретировать закон; обязательного мотивирования судебных решений, что вынудило судью раскрыть их обоснование, а также публикации сборника постановлений, что обеспечило распространение информации о судебных решениях. В расширенной концепции судебной системы юриспруденция может рассматриваться не только как совокупность преюдициальных норм, но и как совокупность приемов судебной практики, таких как метод силлогизма, призыв к равноправию или обращение к фикциям и презумпциям. С этой точки зрения юриспруденция не сводится к нормативизму, социально она привязана исторически и географически, судьи принимают во внимание факты и нравы и стремятся к главенству некой социальной морали (Ж. Карбонье; М. Салюдэн). В концепции, ограниченной производством юридических норм, образование юриспруденции создает сложности материального восприятия во времени. Необходимо знать, все ли судебные решения являются порождением права, или же только некоторые. Поэтому стали различать решения в частных случаях, «не формирующие юриспруденцию», и решения базовые, опирающиеся в мотивации на правовую норму, формально изданную и способную быть примененной в урегулировании схожих судебных споров. Идентифицировать базовое решение не всегда легко, и часто необходимо обратиться к теории, что способствует, таким образом, изучению юриспруденции. Вопрос о том, необходимо ли накопление однотипных судебных решений для формирования «постоянной юриспруденции», решается по-разному у разных авторов. В то время как авторы частного права сходятся во мнении, что принятие нескольких решений, а также периодичность обращения к юриспруденции являются фактором ее стабилизации, «крупные решения в административной юриспруденции» свидетельствуют о «моментальности» творческого труда административного судьи (Г. Бер). Наконец, юриспруденция формируется на всех уровнях судебной иерархии, так как суды нижней инстанции часто проявляют смелость, от которой отказываются Высшие суды из опасения связать себя в будущем. Желание «не заниматься юриспруденцией» может быть таким же сильным, как желание выполнять труд правотворческого характера. Нет сомнения, что тяжесть судебной иерархии часто будет приводить к тому, что в качестве юриспруденции будут рассматриваться только те решения, которые были приняты на ее вершине, тем более что сопротивление в основании иерархии расценивается судьями кассационного суда в качестве нарушения закона. Действительно, юриспруденция не связывает на будущее ни суды нижней инстанции, ни Высшие суды, ее устанавливающие. Правило обязательного прецедента, действующее в странах *common law*, непостижимо для континентальной юриспруденции, где свобода менять свою юриспруденцию принадлежит любому судье. Если изучение данной области выявляет некоторую силу прецедента, по крайней мере на этапе поиска разрешения спора, то «резкий поворот в

юриспруденции», с точки зрения теории, всегда недопустим. Но в данном случае очевидная ситуация заслоняет тот факт, что происходит это очень редко и все виды судебных учреждений, по-видимому, предпочитают в действительности зрелость эволюционного развития брутальности резких перемен (Ф. Жестаз; Г. Ле Бер). Сам судья не только стремится их избегать, но и старается смягчить размах изменений, которые они приносят, и неудобства, возникающие вследствие ретроактивности норм юриспруденции, формализуя их в определении об отклонении жалобы. Как бы то ни было, единство юриспруденции и правовой обеспеченности гарантируются, главным образом, регулирующей функцией Высших судов, а также их дисциплинарной и педагогической функциями. Настолько удачно, что стабильность юриспруденции в сравнении с преходящим изобилием законодательства достойна похвалы. Инфляция законов и норм действительно привела к появлению тезиса об упадке юриспруденции в последние тридцать лет. С одной стороны, нормативные акты «похитили» у юриспруденции первенство в инновации административного права (М. Валин). С другой стороны, «этот упадок власти юриспруденции» сопровождается «подъемом власти юрисдикционной», по крайней мере у административного судьи, каковая власть больше тяготеет к разрешению судебных споров казус за казусом, нежели к формулированию общего правила, применимого и к другим делам (Д. Линотт). Но необходимо заметить, что содержание права нелегко разграничить с отправлением права и что всякое судебное решение неизбежно выявляет осуществление судьей нормотворческой власти, даже если не все они составят «юриспруденцию» (С. Риаль). Кроме того, решения по конкретным делам могут явиться предпосылкой будущего правила юриспруденции, и заявить о переменах, приведя в действие механизм эволюции, с давних пор более предпочтительно, нежели внезапно изменить норму. К тезису об упадке прибавилось недоверие, вызванное юриспруденцией, «политически» ангажированной, за неимением «судебной политики», недвусмысленно определенной судьей, более направленной в эмпиризм, нежели в концептуализм, и формирующей понятия «геометрически изменяемые». Если юриспруденция может служить сиюминутному настоящему интересу – администрации или ее подчиненных, трудящихся или их работодателей, – это вовсе не означает, что судьи, будучи членами конституционного корпуса, придерживаются единой политической доктрины и превращают юриспруденцию в орудие борьбы или политической пропаганды. Такое недоверие непродуктивно. Что вовсе не значит, что «судебная политика», несмотря на впечатляющее выражение, может быть определена как характерное свойство доминирующих тенденций урегулирования какой-либо категории судебных дел, ставящих во главу угла поиск равновесия существующих интересов, внимание к равному подходу в отношении к лицам, оказавшимся в сходной ситуации, или же равной оценки морального ущерба невиновных пострадавших. С этой точки зрения юриспруденция пользуется определенной легитимностью, по крайней мере легитимностью участия в улучшении состояния права и укреплении законности. Подкрепляется ли эта легитимность властью и достаточно ли ее для того, чтобы превратить юриспруденцию в источник права?

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ИСТОЧНИКИ ПРАВА

Вопрос о том, является ли юриспруденция источником права, без труда решается положительно, если понятие источника трактуется в материальном смысле: с начала XIX века юриспруденция признается как самый обильный источник административного права, и она превратилась во всех отраслях частного права в помощницу законодателя, который время от времени не упускает случая ее кодифицировать. Если же, напротив, понятие источника трактуется в формальном смысле, то поставленный вопрос неразрешим. Очевидно, что юриспруденция

родственна законодательству или обычаю в том, что она заимствует некоторые из их характерных черт, однако она не обладает никакой компетенцией, никакой легальной функцией творить право. Судьи же в конечном итоге оказались в ситуации признания нормотворческой власти в соответствии со ст. 4 Гражданского кодекса, которая обязывает их выносить решения под страхом отказа в правосудии, для того чтобы разрешить судебное дело, ими рассматриваемое, даже если закон молчит. Так, следовательно, это законодательное полномочие и даже делегирование, впрочем, по большей части фиктивное, которое узаконивает нормотворческую власть судьи в качестве подразумеваемой компетенции, которая является составляющей его юрисдикционной функции и естественным следствием самого понятия юрисдикции. Но юрисдикционная норма, созданная для разрешения конкретного казуса, не есть юриспруденция, это феномен вторичный, общий, она нигде не получила определения, а только была сведена интерпретатором к общему правилу, к какому-либо принципу, даже просто к какому-либо абстрактному суждению, лежащему в основе решения. Для того чтобы попытаться разъяснить поставленный вопрос, необходимо противопоставить юриспруденцию другим источникам права – закону, обычаю, судье и даже теории, источнику материальному, а не формальному, с которым юриспруденция поддерживает особые отношения.

Юриспруденция и закон. Отношения между юриспруденцией и законом первоначально отличались враждебностью. Закон ощущал конкуренцию со стороны юриспруденции, с которой боролся, и ему всегда удавалось сломать юриспруденцию, даже если она проявляла стабильность. Власть вступившего в законную силу судебного решения, обладающая силой правовой истины, не является препятствием к тому, чтобы законодатель опровергал это решение. Юриспруденцию обвиняли даже как «источник, злоупотребляющий правом», не обладающий никакой демократической легитимностью, который доходит, таким образом, до того, чтобы нарушить принцип разделения властей (О. Дюпейру). Затем, вслед за конкуренцией, реальной или потенциальной, между законом и юриспруденцией наступил период затишья, сотрудничества и взаимодополняемости, принимаемых той и другой стороной. Стабильная юриспруденция может пониматься как имплицитно принимаемая законодателем и даже как инкорпорированная в закон, составляющая единое целое с текстом, интерпретируемым судьями. Кодификация юриспруденции может рассматриваться как крайнее проявление признания законодателем обоснованности ее эволюции. Наконец, в настоящее время юриспруденция еще больше воспринимается как «власть обновления» (Ж.-Л. Бержель) закона, который заставляет ее жить в соответствии с требованиями сегодняшнего дня, содействуя тем самым ее гибкости и адаптированности к социальной эволюции. Также, по оценке юристов, юриспруденция и закон располагаются на «одной ступеньке» шкалы источников права, как имеющие «равную значимость» (Ф. Малори).

Юриспруденция и обычай. Юриспруденцию могли уподоблять обычаю, поскольку она заимствует у него элементы продолжительности и повторяемости, необходимые для формирования того и другого. Даже «согласие заинтересованных лиц», т. е. сообщества юристов, могло рассматриваться в качестве формы *opinion necessitatis* (Ж. Мори). Нет сомнения, ощущение того, что юриспруденция является обязательной, может рождаться в умах многих юристов, но некоторые истцы добиваются того, что убеждают судей отказаться от нее, и диссидентские мнения в теории, в том числе среди судей, занимающихся наукой, препятствуют тому, чтобы принять ее в целом. Два других препятствия мешают, в конечном итоге, всякому уподоблению юриспруденции и обычая: с одной стороны, единственное постановление уже составляет часть юриспруденции, исключая тем самым всякое постоянное и регулярное повторение; с другой стороны, возможность резких изменений в юриспруденции не дает последней застыть в каче-

стве обычая в судебной системе такой, как наша, отрицающей обязательность прецедента, основанной на идее о том, что первое вынесенное решение выявляет ранее существовавшую юридическую норму. То, что отрицание данной концепции позволяет отрицать нормотворческую власть юриспруденции в континентальных странах (Г. Ле Бер), не исключает, между тем, ее достоинств в качестве источника права, что и показывают отношения, существующие между юриспруденцией как деятельностью судьи и доктриной.

Юриспруденция и судья. Запрет на вынесение решений регулирующего характера на основании ст. 5 Гражданского кодекса является положением конституционного порядка, призванным препятствовать тому, чтобы судьи посягали на законодательную власть. Если высшие юрисдикции во Франции время от времени не соблюдают этот запрет, вынося решения регулирующего характера (Б. Бенье), остается еще ст. 1351 того же кодекса, напоминающая им, что постановления судов облечены лишь относительной властью вступившего в законную силу судебного решения. Юрисдикционное правило, на которое опирается решение, выраженное в обязательной мотивировочной части в поддержку резолютивной части, обладает силой лишь в отношении сторон процесса и не может быть распространено на другие судебные дела. И раз уж нормотворческая власть судьи имеет место, созданная им норма может быть только индивидуальной, а ни в коем случае общей и безличной. Эти краткие напоминания хорошо демонстрируют то, что юриспруденция не исходит из простого прочтения судебных решений, тем более что разборчивость мотивации и таинства проведенных умозаключений с трудом различаются порой в «*imperatoria brevisitas*» Высших судов. Самое большее, можно упомянуть об исключении из общих принципов права, «применимых даже в случае отсутствия закона», которое Государственный Совет «обнаруживает» и закрепляет с некоторой долей обобщенности, но это исключение лишь подтверждает правило об относительной сфере действия юрисдикционного акта. С одной стороны, решение суда есть акт воли, исходящий от судьи, творящего правосудие в каком-либо конкретном и особом случае; с другой стороны, юриспруденция охватывает принятые судами абстрактные и общие решения по правовым вопросам. Исходя из этого, необходимо констатировать, что процесс формирования общей нормы на основании одного или нескольких решений, приводящий к юриспруденции, не зависит от какого-либо вмешательства судьи. Переход конкретного и особого случая к абстракции общего действия обнаруживает почти «антиномию» между судебным решением и юриспруденцией (Ж. Ильер). Между тем есть одна точка соприкосновения между ними – это мотивационная часть судебного решения. В мотивационной части судья формулирует, по мере надобности создавая ее, норму права, на которую будет опираться его решение и которая обладает потенциалом расширения на все подобные судебные дела. Антиномия сопровождается в данном случае парадоксом: норма, созданная судьей, является как специальной, поскольку появляется в связи с решением конкретного дела, так и способной к генерализации, если будет воспринята для принятия решений в других судебных делах. Но этап абстракции и генерализации нормы требует катализатора для того, чтобы произошло данное изменение. Этим катализатором не может выступать судья, в служебные полномочия которого не входит функция обобщения норм, им создаваемых, ни рассуждения по поводу сферы их действия, ни тем более сравнение и уподобление судебных дел. Прохождение этих этапов, необходимое для формирования юриспруденции, по-видимому, предстает не судье, а юридической науке, которая в конечном итоге и раскрывает юриспруденцию. И именно мотивация судебных решений предоставляет комментаторам материал для сравнения, анализа, группирования, критики и представлений о будущем. Только наука в со-

стоянии сформировать стройную систему юриспруденции, что равнозначно ее существованию.

Юриспруденция и юридическая наука. Бывает очень редко, за исключением нескольких обоснований закона, составленных в торжественном стиле в постановлениях, называемых руководящими, чтобы правовая норма, созданная судьей, была бы четкой и эксплицитно выраженной. Обычно она выступает посланием, которое нужно постепенно расшифровывать, чтобы выяснить его нормативное значение и найти для него место в прошлом, предполагая при этом будущее, и смысл послания, не выраженный словами, будут понимать только посвященные. Оказалось так, что большая сила некоторых постановлений кроется в том, что не высказано, нежели в нескольких строчках, предназначенных для тяжущихся. *Obiter dictum*, хотя и является обычным средством европейской юрисдикции, почти никогда не встречается в постановлениях национальных высших юрисдикций, стесненных нормой об *ultra petita* и склонных к экономии средств. Однако именно в процессе интерпретации невысказанного, распознавания смысла имплицитного, проведения рассуждения *a contrario* и, наконец, критики принципов, выделившихся из пустой породы персонально принятых решений, и поддерживает наука с судьей непрерывный диалог. Двухголосый хор юриспруденции и науки получал признание неоднократно, но в действительности до нас доносятся голоса судьи и науки, ибо юриспруденция имеет место лишь при наличии метода индукции в науке, позволяющего сформулировать, исходя из сближения решений, принятых судьями персонально, общее правило, которое поднимается над частными случаями. Кроме переосмысления этого правила, наука занимается его рассмотрением на перспективу: только она располагает той беспристрастностью, которая необходима для его анализа, сравнения с другими правилами, комментирования, порою с хорошей долей критики, а также определением сферы его действия. Итак, юриспруденция рождается после долгого вынашивания и появляется, наконец, как общее дитя судьи и науки. Врожденный недостаток в виде так называемой «нормотворческой власти юриспруденции», на который указывают классические авторы, снимается, если мы разграничим нормотворческую власть судьи и юриспруденцию таким образом, что закрепим руководящую роль в образовании юриспруденции за наукой. Любопытен тот факт, что наука долгое время скрывала творческий компонент своей деятельности по абстракции и генерализации правовых инициатив, исходящих от судов. Более того, крупный синтез в науке своими усилиями по систематизации права способствует также разъяснению последовательности юриспруденции, упорядочивая ее по крупным темам и поддерживая – или изменяя – направление выбора в юрисдикции. Не подлежит сомнению тот факт, что в процессе формализации юриспруденции и доведения ее до сведения заинтересованных лиц наука наделяет ее некоторым влиянием, поскольку она подлежит преподаванию в качестве сферы права наряду с законом, а также упоминается истцами в их аргументации. Однако достаточно ли этого влияния, чтобы юриспруденция была классифицирована как один из неопровержимых источников права?

Юриспруденция – источник права или простой фактор влияния? Традиционно приводят два основных аргумента, чтобы не признавать за юриспруденцией свойства источника права и рассматривать ее как простой фактор влияния (как влияние авторитета). Прежде всего, отсутствие в континентальной правовой системе правила обязательного прецедента приводит к тому, что «прецедент», от какой бы юрисдикции он ни исходил, есть всегда лишь данность, директива, определяющая общее направление. Поэтому некоторые усматривают в правиле юриспруденции норму, отличную от той, что исходит из законодательного акта, поскольку, с точки зрения судей, она не более влиятельна, нежели факт, который

всегда можно пересмотреть. Между тем нормы, созданные высшей юрисдикцией, если и не имеют, на его взгляд, обязательной силы, имплицитно ею обладают – в силу судебной иерархии – с точки зрения юрисдикций подчиненных. И действительно, как это отмечал Айзенманн в своем исследовании правосудия в 1961 г., «право юрисдикции» существует, пока высшая юрисдикция поддерживает его законную силу, и существует при этом в качестве источника права. Вторым аргументом противников данного тезиса: юриспруденцию нельзя признать источником права, так как она в любой момент может быть изменена законом. Но ведь такой аргумент можно выдвинуть против любого источника права, статус которого не подвергается сомнению: закон может всегда отменить ранее действовавший закон, как и декрет. Кроме того, есть судебная практика, по поводу которой разумно предположить, что законодатель не может к ней возвращаться – как, например, абсолютная ответственность или злоупотребление правом. Если аргументы против признания юриспруденции источником права не являются непреодолимыми препятствиями, то существуют ли более убедительные доводы в поддержку данного тезиса? По-видимому, имеется аргумент количественный и аргумент качественный. Первый – это аргумент аккумуляции: юриспруденция представляет собой соединение нормотворческой власти – власти судьи – и «согласия» (Ж. Мори), или «общего признания» (Ф. Жестаз) – со стороны науки, которая не удовлетворяется признанием, но добавляет правилу, установленному судьей, некоторую дополнительную стоимость. Однако закон, образцовый источник права, не обладает никакими лишними козырями, за исключением, вероятно, тех, что могут быть выявлены из более демократичного представления со стороны парламентариев, нежели это свойственно сообществу юристов. Вторым аргументом – качественным, связан с тем, как понимается выражение «источник права». В зависимости от того, считается ли этот источник чем-то монолитным и централизующим либо принимается как нечто фрагментированное и разнообразное, юриспруденция не будет являться источником права или же наоборот. Следовательно, статус юриспруденции есть вопрос «онтологии» права (Ф. Зенати) и представляется действительно и объективно неразрешимым.

Литература

1. Beignier B. Les arrêts de règlement // Droit. – 1989. – № 9. – P. 45.
2. Bergel J.-L. La loi du juge: dialogue ou duel? // Mél. Kayser. – PU Aix, 1979. – Т. 1. – P. 21.
3. Dupeyroux O. La jurisprudence, source abusive de droit // Mél. Maury. – Dalloz, 1960. – Т. 2. – P. 349.
4. Dupeyroux O. La doctrine française et le problème de la jurisprudence, source de droit // Mél. Marty. – Toulouse, 1979. – P. 463.
5. Hebraud P. Le juge et la jurisprudence // Mél. Cauzinet. – Toulouse, 1974. – P. 329.
6. Hilaire J. Jugement et jurisprudence // APD. – 1995. – Т. 39. – P. 181.
7. Jestaz Ph. La jurisprudence: réflexions sur un malentendu. – Dalloz-Sirey, 1987. – Chr. – P. 11.
8. Jestaz Ph. La jurisprudence, ombre portée de contentieux. – D., 1989. – Chr. – P. 149.
9. Le Berre H. La jurisprudence et le temps // Droit. – 2000. – № 30. – P. 71.
10. Malaurie Ph. La jurisprudence combattue par la loi // Mél. Savatier. – Dalloz, 1965. – P. 603.
11. Maury J. Observation jurisprudence en tant que source de droit // Mél. Ripert. – LGDJ. – 1950. – Т. 1. – P. 28.
12. Roche J. Réflexions sur le pouvoir normatif de la jurisprudence // AJDA. – 1962. – I. – P. 532.
13. Waline M. Le pouvoir normatif de la jurisprudence // Mél. Scelle. – LGDJ, 1950. – Т. 2. – P. 613.

14. Linotte D. Déclin de la pouvoir jurisprudentiel en droit administrative // AJDA. – 1980. – P. 632.
15. Rials S. Sur une distinction contestable et en trop réel déclin. A propos d'un recente article le pouvoir normatif de juge // AJDA. – 1981. – P. 115.
16. Saluden M. La jurisprudence, phénomèn sociologique // APD. – 1985. – T. 30. – P. 191.
17. Variete. La jurisprudence aujourd'hui // RTD civ. – 1992. – P. 337.

Maryse Deggert,

Doctor of Law, Professor, Honorary Dean of Law Department,
Paris-I (Pantheon-Sorbonne) University (France, Paris)

**The Concept of «Jurisprudence» in the French Legal Doctrine:
the Source of Law, Judicial Practice or a Fact of Legal Policy?**

The article deals with the matters concerning the concept of jurisprudence – one of the most important parts of the French legal theory. The author highlights various aspects, meanings and significance of the concept within the continental legal system. She studies different approaches to define this term, such as the source of law, the system of legal norms, judicial practices, and norm-setting authority of judiciary. In order to distinguish the specific features of jurisprudence as the source of law there is a comparison between jurisprudence and other sources – law and custom. The role of science in establishing jurisprudence as the source of law is revealed: jurisprudence is defined as a child of a judge and a scientist. The article also analyses the arguments of the scholars who reject the status of jurisprudence as the source of law and consider this phenomenon simply as a factor of influence, an authoritative opinion of the courts. Final solution of this problem depends on how the term "the source of law" is treated.

Key words: jurisprudence; Romano-Germanic law; sociology of law; legal norm; case law; judicial practices; source of law; law; custom; judge; legal science; doctrine; legal policy.